

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ФАКТОРОВ И ВЗАИМОСВЯЗИ КРУПНОЙ И БЫТОВОЙ КОРРУПЦИИ: РОЛЬ ИНСТИТУТОВ

КОЗЛОВ ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ,

студент,

Международный институт экономики и финансов,

Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,

e-mail: kozlovos@mail.ru

В статье предлагается анализ взаимосвязи и определяющих факторов крупной и бытовой коррупции в свете институционального подхода. Слабость таких институтов, как обеспечение прав собственности, ведет к высокому уровню крупной коррупции, что в свою очередь обуславливает неэффективное производство общественных благ (недостаточное финансирование программ здравоохранения, образования, социального обеспечения и проч.). Это приводит к росту бытовой коррупции в соответствующих секторах. Указанная гипотеза находит подтверждение на базе данных международной статистики; для оценки бытовой коррупции используются новые уникальные данные проекта Трансперенси Интернэшнл Барометр Мировой Коррупции (Global Corruption Barometer).

Ключевые слова: бытовая коррупция; крупная коррупция; институты; общественные блага.

The article provides the analysis of the determinants and relationship between grand and petty corruption implementing institutional approach. The weakness of such institutions as property rights leads to high level of grand corruption, which in turn results in the inefficient provision of public goods (inadequate financing of healthcare, education and social security programs, etc.). As a result, petty corruption rises in the corresponding sectors. This hypothesis gains empirical evidence on cross-national data; to assess the level of petty corruption a unique data set is used provided by the Transparency International project Global Corruption Barometer.

Keywords: petty corruption; grand corruption; institutions; public goods.

Коды классификатора JEL: D73, H49, K42, O17.

1. ВВЕДЕНИЕ

Коррупция — довольно неоднозначное понятие, в широком смысле слова трактуемое как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды. В данной работе ключевым классификационным признаком выступает масштаб этого феномена, и для последующего анализа нам необходимо прояснить смысл понятий «крупная» и «бытовая» коррупция.

Прежде всего, стоит понять, что данная классификация носит не столько количественный, сколько качественный характер, т.е. речь идет не о простой дифференциации по признаку суммы взятки, а о структурном различии рассматриваемых явлений. Следуя определению Кузовкова (Кузовков 2010), крупную коррупцию можно определить как продажу или игнорирование интересов общества высокопоставленными чиновниками в угоду интересам отдельных лиц или иностранных государств. Роуз-Акерман (Rose-Ackerman 1999, гл. 3) подчеркивает, что частую каналами крупной коррупции выступают государственные закупки, если в процессе их реализации фирмы частного сектора получают монопольные привилегии путем подкупа, а также если имеют место различные мошеннические схемы, в результате которых часть средств,

выделенных государством на общественные нужды, незаконно попадает в карманы частных лиц (крупных чиновников или бизнесменов). Таким образом, крупная коррупция имеет место при реализации широкомасштабных государственных программ, например по постройке дорог, дамб, больниц, аэропортов, добыче стратегически важных ресурсов, а также программ военных расходов.

Напротив, бытовая (или мелкая) коррупция имеет место в случае, если отдельный проситель (в лице граждан или мелкого бизнеса) дает эпизодическую взятку отдельному, как правило, мелкому чиновнику (представителю власти). Это могут быть взятки учителям, полицейским, врачам, судьям, различным чиновникам, отвечающим за бюрократические процедуры. Если взяточничество распространяется все шире, люди перестают воспринимать закон всерьез, что чревато значительными социальными потрясениями. Тем не менее некоторые исследователи (*Huntington* 1968, 386) считают, что бытовая коррупция способствует повышению эффективности в рамках теории *second-best*, помогая фирмам и индивидам обойти установленные законом чересчур строгие требования, сократить проволочки и избежать непосильных налогов. Однако данная идея, известная как тезис о «смазывании» колес, подверглась многочисленной резкой критике (см. например, *Meon and Sekkat* 2005) и не считается верной в современном научном дискурсе.

К сожалению, сложность и многогранность феномена коррупции делают затруднительными любые попытки классификации, и это в равной степени относится к предложенной дифференциации на «крупную» и «бытовую». Некоторые случаи, например, с участием среднего бизнеса, не могут быть отнесены с уверенностью к определенной категории. Тем не менее данная классификация активно используется в современной литературе, посвященной коррупции, и, несмотря на свое несовершенство, помогает нам лучше разобраться в причинах и последствиях данной проблемы.

Сложно переоценить вред для общества, приносимый коррупцией в любой форме (см. публикации Всемирного Банка, Трансперенси Интернешнл (*Transparency International, TI*). Многочисленные исследования показывают, что она приводит к неэффективному использованию и распределению ресурсов, подрывает социальный капитал и является одной из главных причин торможения экономического развития. Борьба с коррупцией — одна из самых важных и сложных задач современных государств, и за последнее время серьезных успехов в этой борьбе добился лишь ограниченный ряд стран: Сингапур, Китай, Чили, Япония, Гонконг. В чем секрет успеха одних и неуспеха других? В данной работе мы ставим цель понять, что влияет на уровень крупной и бытовой коррупции в стране, а также выяснить характер взаимосвязи между ними. По сравнению с анализом «коррупции» в целом, данный подход позволяет глубже понять сущность проблемы и выработать более продуманные и эффективные предложения по противодействию данному явлению.

Стоит отметить, что подобный анализ стал возможен совсем недавно, с появлением эмпирических данных по бытовой коррупции. Проект *TI* «Барометр Международной Коррупции» (БМК), отражает результаты опросов, касающихся инцидентов мелкого взяточничества в основных категориях общественных услуг. Разумеется, учитывая сензитивность вопроса типа «платите ли Вы взятки?», вполне актуальной кажется проблема систематической ошибки в ответах. Тем не менее это единственные международные данные по бытовой коррупции, уже начинающие использоваться в публикациях (*Aidt* 2010), и они вполне могут послужить на начальной ступени в исследовании проблем определяющих факторов бытовой коррупции и ее взаимосвязи с крупной.

Данная работа имеет следующую структуру. В разделе 2 рассматриваются определяющие факторы крупной коррупции; особое внимание уделяется важнейшему, как показывают эмпирические тесты, фактору — роли институтов. В разделе 3 мы концентрируемся на взаимосвязи крупной и бытовой коррупции, предложенная гипотеза находит подтверждение на данных международной статистики. Раздел 4 содержит заключение.

2. КРУПНАЯ КОРРУПЦИЯ

В данном разделе, во-первых, рассматривается сущность крупной коррупции, и способы измерения ее уровня. Во-вторых, выдвигается гипотеза о ключевом значении институтов и культурного фактора в определении уровня крупной коррупции. В-третьих, приводятся альтернативные гипотезы, имеющиеся в литературе. Наконец, проводится эмпирический анализ определяющих факторов крупной коррупции, позволяющий оценить предложенные гипотезы.

2.1. Крупная коррупция и методы ее измерения

Чтобы лучше понять характер явления крупной коррупции, возьмем типичный пример:

В 2003 г. трое ключевых менеджеров в прошлом принадлежащей французскому государству нефтяной компании Elf получили до 5 лет лишения свободы за их участие в коррупционной деятельности. Эти трое были среди 37 подсудимых по делу незаконного хищения 350 миллионов евро из компании за период с 1989 по 1993 гг. Большая часть этих средств пошла на подкуп политиков Анголы, Камеруна, Конго (Браззавиль) и Габона. Средства направлялись, чтобы гарантировать, что именно Elf, а не британские или американские фирмы, получит доступ к нефтяным месторождениям указанных стран. К слову сказать, на определенный момент один лишь Габон обеспечивал 75% прибыли Elf.

Источник: UK Guardian, 13 ноября 2003.

На данном примере хорошо видны отличительные черты крупной коррупции: в коррупционной схеме замешан крупный бизнес (с государственным участием), зарубежные правительства, стратегически важные ресурсы и, разумеется, крупные денежные суммы. В результате коррупционер получает монопольные привилегии, ведущие, в данном случае, к вытеснению иностранных конкурентов, а также к личному обогащению принявших участие в сделке частных лиц. Подобные случаи, а также факты хищения средств, выделенных на крупные общественные программы, случаи подкупа крупным бизнесом высокопоставленных чиновников собственного государства и прочие всевозможные схемы нелегального обогащения крупных бизнесменов под прикрытием подкупленных государственных чиновников, увы, довольно часто встречаются в СМИ, и нет нужды приводить дополнительные примеры.

Каким образом можно измерить масштабы крупной коррупции? В литературе распространенным является использование индексов восприятия коррупции. Они отражают мнения политологов и экспертов в области бизнеса и финансов об уровне коррупции в том или ином государстве. Широко используются такие индексы, как Индекс Контроля Коррупции (*Corruption Control Index*), составляемый Институтом Всемирного Банка, а также индекс *International Country Risk Guide*, составляемый агентством *Political Risk Services*. Другой распространенный индекс, издающийся агентством по анализу рисков *Business International*, отражает оценки аналитиков по поводу «степени, в которой деловые транзакции определенной страны включают в себя коррупцию и сомнительные платежи», с различными критериями, определяющими оценку от 0 до 10. Несмотря на то, что методология составления упомянутых индексов различается, корреляция между ними довольно высока (*Treisman 2000, 411*).

Чтобы оценить уровень крупной коррупции, мы будем использовать Индекс Восприятия Коррупции (*Corruption Perception Index, CPI*) — проект *TI*, формирующий индекс из ряда оценок независимых и уважаемых предпринимателей и рейтинговых агентств. Индекс отражает восприятие экспертов административных и политических аспектов коррупции, и принимает значения от 0 до 10, где 0 — абсолютно коррумпированное государство.

Хотя и не раз отмечалось, что как этот конкретный, так и индексы восприятия коррупции вообще, страдают рядом недостатков и в некоторых случаях дают неверные оценки, за недостатком других показателей на данном этапе мы не можем предложить более адекватных индикаторов. В подавляющем большинстве литературы на данную тему используются именно эти индексы. Более того, они используются для оценки «уровня коррупции» в целом, в то время как по своей методологии отражают именно ситуацию с крупной коррупцией, поэтому в данной работе конструктивная валидность подобного индекса выше.

2.2. Качество институтов как определяющий фактор крупной коррупции

В данном исследовании выдвигается тезис о ключевом значении специфики институтов в определении уровня крупной коррупции. По определению Д. Норта (*Норт 1997, 3*), институты включают в себя как формальные правила и неформальные ограничения (общепризнанные нормы поведения, достигнутые соглашения, внутренние ограничения деятельности), так и определенные характеристики принуждения к выполнению тех и других, или, выражаясь образным языком, институты — это «правила игры», принятые в обществе. Согласно моей гипотезе, институты частной собственности и устойчивого следования легитимно закреплен-

ным правилам и контрактам способствует значительному снижению уровня коррупции среди высокопоставленных чиновников и бизнес-элиты. Коррупция¹, таким образом, не определяется неким экзогенным фактором, а скорее это долгосрочная характеристика каждого общества, какие «правила игры» превалируют: получить, например, лицензию с помощью подчас сложной формальной процедуры, или же все быстро «уладить» с помощью взятки.

В литературе было предпринято несколько попыток оценить роль институтов косвенно. Например, Тризман (*Treisman 2000*) тестирует гипотезу того, что бывшие британские колонии сегодня являются значительно менее коррумпированными из-за установленной британской системы права, и находит эмпирическое подтверждение этому предположению. Также известный тезис (*North 1990*) о том, что страны Северной Европы и их колонии отличаются лучшими институтами прав собственности, и, как следствие, более развиты, по сравнению со странами Южной Европы (Испания, Португалия, Италия). Такие страны, как Великобритания и Нидерланды, сумели создать эффективную систему права в XVI–XVII вв., которая была необходима для развития активно начавшейся международной торговли, и с тех пор эти страны развивались в рамках демократической традиции. Напротив, в большинстве азиатских стран аналогичный расцвет торговли и финансов стал невозможен из-за тиранической формы правления, при которой закон никогда не имел такой силы, как правящая элита, способная изменить закон практически в любой момент (*Нуреев 2010*). Более того, в отдельных странах подчас возникали коррупциогенные институты, такие как институт «кормления» в средневековой России. Ситуация была такова, что приближенные князя не имели постоянного жалования, а «кормились» за счет местного населения, т.е. местные снабжали «администрацию» князя всем «необходимым» и, учитывая, что администрация обладала почти неограниченной властью, население отдавало огромное количество товаров и денег. В свою очередь, когда чиновники администрации шли к князю, они были вынуждены отдать значительную часть собранного ими богатства ему, чтобы завоевать расположение, и, возможно, чтобы получить более богатую территорию, где они могли бы собирать еще более обильное «кормление». Таким образом, подобные институты были самоподдерживающимися и давали идеальную почву для расцвета коррупции.

Чтобы протестировать гипотезу о том, что качество институтов, частично сформированное культурой общества, определяет уровень крупной коррупции, сперва нам понадобится адекватная мера институционального развития. Мы будем использовать данные проекта Всемирного Банка «Международные Индикаторы Управления» (*Worldwide Governance Indicators, WGI*). Проект *WGI* формирует индексы на основе статистической компиляции материала опросов крупных фирм, простых граждан и мнений экспертов в области индустриальных и развивающихся стран, включая ведущие институты, негосударственные организации и аналитические агентства (подробный анализ методологии можно найти у Кауфманна (*Kaufmann, Kraay and Mastruzzi 2010*)). Один из индексов, Верховенство Закона (*Rule of Law, RUL*), отражает «оценку степени, в которой агенты доверяют и следуют законодательным нормам, в частности, оценка качества соблюдения контрактов, защиты прав частной собственности, независимости полиции, судов, а также распространности насилия и преступности» (*Kaufmann, Kraay and Mastruzzi 2010, 11*). Описание индекса отлично отражает смысл слов «качество институтов», так что в последующих тестах мы будем использовать именно этот индикатор, линейно преобразованный таким образом, что он измеряет качество институтов по шкале от 0 до 10, где 0 — абсолютное отсутствие прав собственности. Безусловно, данный индекс, как и любой индекс восприятия, потенциально подвержен ошибкам и неточностям, и в литературе было предложено разнообразное количество возможных измерителей качества институтов. Тем не менее большинство из них либо может быть применено только к институтам на определенной территории, либо также страдает рядом недостатков, в любом случае являясь прокси-переменной. Поэтому в данной работе мы останавливаемся на этом индексе, хотя, с методологической точки зрения, возможны альтернативные подходы, которые, вероятно, найдут применение в последующих исследованиях.

Мы предполагаем, что ключевую роль в определении качества институтов играет культурный фактор, уже упоминавшийся выше. В литературе, посвященной коррупции, принят подход «культурных районов», согласно которому принадлежность страны к той или иной культуре определяется географическим кластерным принципом. Например, Палдам (*Paldam 2001*) формирует следующие группы, чтобы оценить влияние культуры на коррупцию (см. табл. 1).

¹ Поскольку в данном разделе речь идет только о крупной коррупции, термин «коррупция» будет употребляться в значении «крупная коррупция».

Разумеется, любая классификация подобного рода является весьма субъективной, группы могут быть разделены и объединены различными способами, в зависимости от имеющейся в распоряжении выборки. т.к. в работе используются данные проекта БМК, то возможности разделения стран на группы ограничены использовавшейся в нем выборкой. Доклад 2009 г. БМК классифицирует страны по восьми группам (используя кластерный анализ) (см. табл. 2).

Таблица 1

Культурные типы по Палдаму

Название культурной группы	Страны
Страны западноевропейского типа (19)	Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Исландия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания, США
Страны латиноамериканского типа (16)	Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла, Эквадор
Посткоммунистические страны (24)	Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Грузия, Венгрия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Польша, Румыния, Россия, Словакия, Словения, Украина, Узбекистан, Югославия
Африканские страны южнее Сахары (15)	Ботсвана, Камерун, Гана, Кот-д'Ивуар, Кения, Малави, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Сенегал, ЮАР, Танзания, Уганда, Замбия, Зимбабве
Восточные страны китайского типа (11)	Китай, Гонконг, Индонезия, Япония, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Вьетнам
Остаточная группа (15)	Бангладеш, Египет, Греция, Индия, Израиль, Ямайка, Иордания, Маврикий, Монголия, Марокко, Пакистан, Португалия, Испания, Тунис, Турция

Составлено по: (Paldam 2001).

Таблица 2

Типы стран по классификации БМК

Тихоокеанская Азия	Латинская Америка	Ближний Восток и Северная Африка	Африка южнее Сахары
Северная Америка	Страны Евросоюза	Новые Независимые Государства	Западные Балканы + Турция

Мне пришлось скорректировать эту классификацию для получения в каждой категории примерно одинакового количество стран, которые имели бы общие культурные корни. Однако я столкнулся с проблемой, которую описывает Палдам: некоторые страны строго не подходят к определенной категории, но т.к. выборка является весьма ограниченной, я не могу просто обойтись без них. Поэтому в спорных случаях были оценены средние значения основных макроэкономических и институциональных показателей страны, и страна была отнесена к группе, средние показатели по которой были наиболее близки. Эти изменения являются незначительными и оправданы тем же выбором в классификации БМК: Израиль включен в страны западноевропейского типа; Монголия включена в Новые Независимые Государства и Турция отнесена к группе стран Восточной Европы. Первоначально выборка БМК включала 69 стран, но в итоге мы включили 62 страны, из-за отсутствия некоторых показателей, используемых в последующих тестах на устойчивость, для семи стран. Итоговая классификация представлена в табл. 3 (буквосочетания в скобках представляют названия соответствующих фиктивных переменных в регрессиях).

Хотя данная классификация является неоднозначной, мы видели, что и классификация Палдама может быть во многом оспорена, как и любая подобная классификация. Возможно, в будущем будет выработан более совершенный принцип определения культурных типов стран.

Для проверки гипотезы о том, что институциональная среда определяется культурой, выполняется регрессионный анализ, где зависимая переменная — *RUL*, т.е. качество институтов, а объясняющие — фиктивные переменные для культур. Результаты отражены в табл. 4.

В данной спецификации коэффициенты отражают средние значения индекса Верховенства Закона для каждой группы. Наиболее благоприятные институты — в странах западноевропейского типа, в среднем *RUL* для них составляет 8.7982 из 10. Умеренный показатель в

странах Тихоокеанской Азии (5.6817) и странах Восточной Европы (5.4303), в то время как индекс низок для стран Латинской Америки (3.7857), Новых Независимых Государств (3.4661) и стран Ближнего Востока и Африки (3.2368). Все коэффициенты значимы на 1% уровне, $R^2 = 0.62$, что позволяет сделать заключение о наличии связи между качеством институтов и культурой.

Таблица 3

Классификация стран по культурному признаку

Тихоокеанская Азия (AP)	Латинская Америка (LA)	Ближний Восток и Африка (MEA)	Западноевропейские страны+ (WE)	Новые Независимые Государства (NIS)	Восточная Европа+ (EE)
Камбоджа Гонконг Индия Индонезия Япония Малайзия Пакистан Филиппины Сингапур Южная Корея	Аргентина Боливия Чили Колумбия Панама Перу Венесуэла	Гана Ирак Камерун Кения Кувейт Ливан Нигерия Сенегал Сьерра-Леоне Уганда	Австрия Дания Израиль Люксембург Нидерланды Польша Португалия Испания Швейцария Великобритания США Исландия Канада Франция	Армения Азербайджан Беларусь Грузия Молдова Монголия Россия Украина	Босния и Герцеговина Болгария Хорватия Чешская Республика Греция Венгрия Косово Литва Македония Румыния Сербия Турция

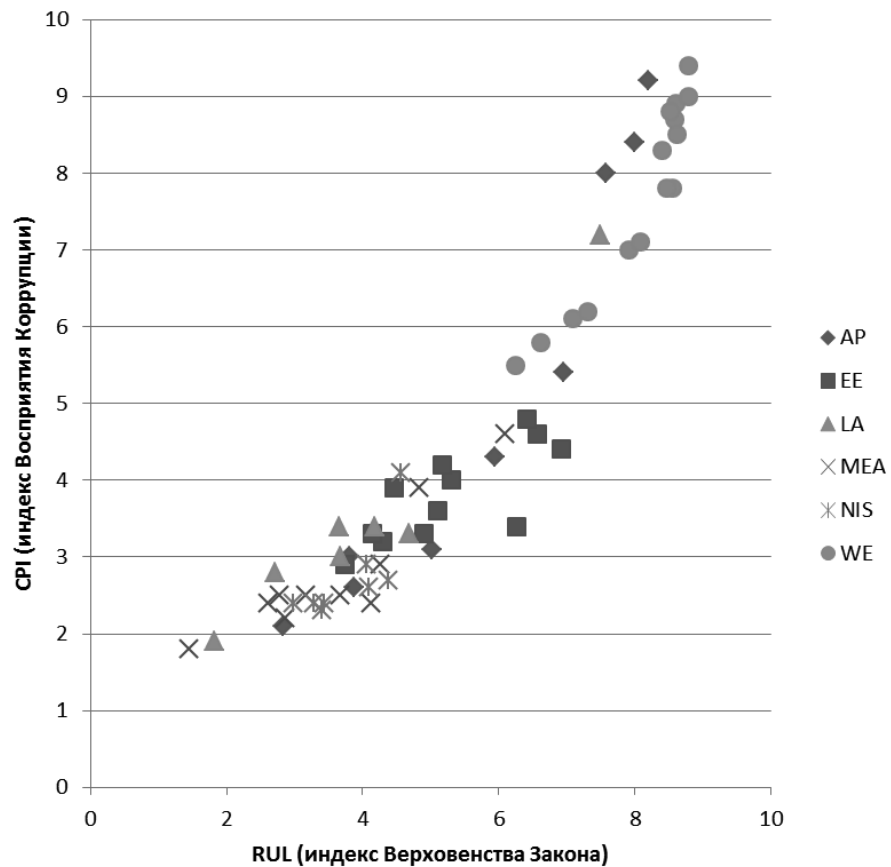

Рис. 1. Качество институтов и крупная коррупция

Таблица 4

Качество институтов в различных регионах

Регрессия:	cult
Зависимая переменная:	RUL
WE	8.798217 (0.4245)**
AP	5.681690 (0.5199)**
LA	3.785681 (0.6214)**
NIS	3.466090 (0.5813)**
EE	5.340265 (0.4746)**
MEA	3.236786 (0.5199)**
Наблюдения:	62
R2:	0.6396

Неудивительно, что страны западноевропейского типа с устоявшимися системами права соблюдают и уважают принцип имущественных прав, который является центральным для их культурной традиции. Новые Независимые Государства страдают от последствий экономического перехода, связанного с крупными институциональными изменениями: старые «правила игры» отменены, в то время как новые «правила» во многом пока еще не соблюдаются всеми агентами. Ближневосточные и африканские государства имеют весьма отличающиеся традиции, и хотя в последнее время многие из них пытаются адаптировать западные институты, этот непростой процесс требует времени и усилий. Страны Восточной Европы, зачастую являющиеся посткоммунистическими, унаследовали некоторые неэффективные институты прежнего режима, но им легче интегрироваться в новую среду за счет близости к Западной Европе, которая выражается в тесных торговых и дипломатических отношениях. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона имеют весьма отличающиеся по сравнению с Западом институты, но их специфические нормы общественного устройства позволяют им добиться довольно высокого, второго лучшего значения индекса *RUL* — 5.6817 после Западной Европы. Стоит отметить, что в данную группу входят страны, сумевшие по-своему адаптировать некоторые западные институты и добиться небывалых темпов развития (Сингапур, Гонконг, Южная Корея). Латинская Америка, согласно Норту (*North* 1990), импортировала испанские и португальские менее эффективные институты, что привело к отсутствию стимулов экономических агентов (сильная Католическая церковь не поощряла инакомыслие и, как следствие, разнообразие и инновации) и использование менее эффективной «централизованной» модели управления.

Конечно, проведенный анализ является довольно ограниченным, и тщательное исследование данного вопроса требует значительно больших усилий. Строго говоря, нельзя делать вывод о том, что культура определяет качество институтов, т.к. «культура» здесь рассматривается по признаку географических кластеров, а также, возможно, опущены некоторые важные переменные, и более сложные причинно-следственные связи в действительности могут иметь место. Тем не менее основная цель данного анализа заключалась в создании простого теоретического инструмента, позволяющего нам объяснить главный фактор, определяющий крупную коррупцию в нашем подходе — качество институтов, измеренное индексом Верховенства Закона. Я хотел бы продемонстрировать, что этот фактор, отличающийся для стран, в которых, согласно культурным традициям, действуют разные «правила игры» в обществе, имеет прямое воздействие на различные аспекты развития, в частности, на прозрачность действий политиков и крупных бизнесменов.

На рис. 1 представлена взаимосвязь между институтами защиты прав собственности (измеряется индексом Верховенства Закона по горизонтальной оси) и коррупцией (измеряется

Индексом Восприятия Коррупции (*CPI*) по вертикальной оси). Как мы видим, зависимость довольно стабильна — чем ниже в стране качество институтов, тем выше коррупция. Страны Западноевропейского типа имеют высокий уровень качества институтов и большую прозрачность, хотя есть три страны Азиатско-Тихоокеанского региона, которые даже обошли некоторые европейские государства — это Япония, Гонконг и Сингапур; Чили является примером латиноамериканского государства, где также сравнительно высокий показатель *RUL* и низкая коррупция.

Корреляция между *CPI* и *RUL* равна 0.95 — чрезвычайно высокий показатель, подразумевающий сильную связь между коррупцией и институтами. Учитывая приведенные выше теоретические рассуждения, мы можем сделать вывод о том, что качество институтов является ключевым фактором, определяющим уровень крупной коррупции. Безусловно, метод инструментальных переменных помог бы в данном случае решить потенциальную проблему обратной причинности (*reverse causality*), однако на данном этапе не существует адекватного инструмента, и, возможно, это задача будет решена в последующих исследованиях.

Однако в литературе, посвященной коррупции, предлагается большое количество факторов, определяющих уровень коррупции. Будет ли значение институтов нивелировано при включении в анализ других факторов? В самом деле, интуиция подсказывает нам, что такое сложное явление как коррупция определяется гораздо большим числом факторов — насколько результаты, которыми мы обладаем на данный момент, смогут опровергнуть эту интуитивную идею? Для проверки устойчивости к отклонениям от принятого предположения теперь мы внимательно рассмотрим альтернативные гипотезы и проведем соответствующий эмпирический анализ.

2.3. Альтернативные факторы, определяющие уровень крупной коррупции

Как уже отмечалось, в литературе, посвященной международным исследованиям коррупции, не проводится различие между крупной и мелкой (бытовой) коррупцией, однако используются индексы восприятия коррупции, которые, главным образом, отражают мнение экспертов именно об уровне крупной коррупции, так что мы вполне можем рассматривать предложенные гипотезы применительно к нашему случаю. Экономические факторы продолжают описываться в подавляющем большинстве публикаций по коррупции как наиболее значимые, поэтому мы обратим на них особое внимание. Вначале мы рассмотрим общий уровень экономического развития, измеряемого с помощью ВВП на душу населения, затем перейдем к таким менее мощным факторам, как неравенство доходов, инфляция и открытость для внешней торговли. Наконец, мы обсудим возможное влияние демократии на коррупцию и выполним проверку устойчивости к отклонениям от принятого предположения (проверку на робастность).

Итак, в самом деле, наблюдаемая сильная отрицательная корреляция между ВВП на душу населения и уровнем коррупции анализируется во многих исследованиях (например, *Mauro* 1995; *Lamsdorff* 1999; *Triesman* 2000; *Paldam* 2001; *Ata and Arvas* 2011). По выражению Палдама (*Paldam*, 2001, 220), коррупция является характеристикой стран с низким и средним уровнем дохода, и она невелика в странах с высокими доходами, потому что богатые страны являются эффективными, т.е. транзакции должны быть быстрыми и прозрачными, в то время как коррупция является фактором, который делает транзакции медленными и неэффективными. По словам Палдама, со стороны предложения экономики (фирм), «честность» или прозрачность, является экономиящим время «инструментом», нужда в котором тем больше, чем более развитой становится страна. Однако логично было бы усомниться в направлении причинно-следственной связи: экономический ли рост сокращает коррупцию или же снижение коррупции способствует экономическому росту, или оба эффекта имеют место? Трисман (*Triesman* 2000) решает данную проблему с помощью инструментальной переменной «расстояние страны от экватора». Сакс (*Sachs* 1997), замечает, что страны, расположенные ближе к экватору, в большей мере подвержены заболеваниям и, в среднем, имеют менее обильные урожаи. Во всяком случае, логарифм ВВП на душу населения в 1990 г. коррелирует с расстоянием от экватора по широте, со значением коэффициента корреляции 0.69. Учитывая, что географическое местоположение страны не может зависеть от уровня крупной коррупции, данный инструмент является годным и часто используется в последующих исследованиях (*You and Khagram* 2005). Таким образом, чтобы оценить гипотезу роли экономического развития, мы используем данные по ВВП на душу населения на 2009 г. (*GDP*), предоставляемые Всемирным Банком, и широтное расстояния от экватора (*DISTEQ*); для нашей выборки корреляция между *GDP* и *DISTEQ* составляет 0.48.

Неравенство доходов было предложено в ряде исследований (*Paldam 2001; Glaeser, Scheinkman and Shleifer 2002; You and Kaghrum 2005; You 2005; Uslaner 2007*). У Глейзера (*Glaeser, Scheinkman and Shleifer 2002*) мы находим следующий аргумент: неравенство наносит ущерб безопасности прав частной собственности, потому что оно позволяет богатым использовать политические, административные и правовые институты общества в своих собственных интересах, что влечет за собой рост коррупции. С моей точки зрения, это может быть неверно для развитых стран западноевропейского типа (включая США и Канаду), где несмотря на высокий уровень неравенства богатые не злоупотребляют своим социальным положением для извлечения личной выгоды, т.к. права собственности уважаются и соблюдаются. Таким образом, упомянутые страны часто имеют умеренный или высокий уровень неравенства и, тем не менее, низкий уровень коррупции.

Ю (*You 2005*) утверждает, что неравенство влияет на коррупцию путем подрыва социального капитала, а именно, доверия: из-за того, что люди осознают несправедливость политической и экономической жизни в своей стране, снижается уровень социального доверия. Этот момент также разделяет Усланер (*Uslaner 2007*). В свою очередь, снижение доверия порождает ситуацию, когда люди склонны доверять только членам той же социальной группы (определяемой по классовому принципу, принципу этнической принадлежности, родства и т.д.), так что «моральные санкции, не позволяющие обманывать людей других социальных групп, сходят на нет» (*Uslaner 2007*). Последнее приводит к увеличению уровня коррупции. Стоит отметить, что т.к. аргумент сложен и состоит из двух тезисов, это делает его более уязвимым, т.к. мы можем усомниться в обоих его частях. Опять же можно привести пример западных государств, где неравенство порождает конкуренцию, в то время как последняя традиционно считается положительным явлением в западной культуре, таким образом, социальное доверие не обязательно ухудшается. Даже если оно ухудшается, мы можем усомниться в том, что это действительно обеспечивает больше стимулов для коррупционных действий: что касается крупной коррупции, агенты (политическая и бизнес-элита) как правило принадлежат к одной социальной группе, будь она определена по доходам или происхождению, тогда эта часть аргумента не является корректной. Что же касается бытовой коррупции, работники учреждений государственного сектора (врачи, преподаватели и т.д.) зачастую того же социального происхождения (*social background*), что и большинство малоимущих простых людей, доля которых растет, по мере увеличения неравенства. Несмотря на некоторую теоретическую слабость аргументов, неравенство, обычно измеряемое коэффициентом Джини, по-прежнему иногда оказывается значимым фактором в межстрановых исследованиях, поэтому мы включим эту переменную (данные для коэффициентов Джини для разных стран за 2009 г. предоставлены Всемирным Банком).

Инфляция довольно часто признается значимым фактором, определяющим коррупцию (см. например, *Paldam 2001; Brown and di Tella 2004; Ata and Arvas 2011*). Как утверждают Ата и Арвас (*Ata and Arvas 2011*), т.к. инфляция снижает уровень реальной заработной платы, она негативно сказывается на покупательной способности. Хотя покупательная способность уменьшается, основные потребности людей все равно должны удовлетворяться. Если деньги обесцениваются, то люди способны прибегнуть к любого рода незаконным методам, таким как мошенничество, взяточничество, присвоение чужого имущества. Таким образом, эти социально-экономические проблемы приводят к росту уровня коррупции в стране. Палдам (*Paldam 2001*) рассматривает инфляцию как прокси-переменную для «экономического хаоса». Его логика следующая: коррупция связана с доверием и уважением к власти, но вера в органы власти снижается, когда экономическая политика правительства неэффективна, это порождает в экономике больше хаоса и меньше порядка, и в подобных условиях, как правило, наблюдается рост инфляции. В модели Палдама инфляция оказывается весьма существенным фактором. Для проверки предположения о значимости инфляции, какая бы логика за этим не стояла, мы используем переменную *INF* — инфляция, измеряемая индексом потребительских цен, отражает ежегодное процентное изменение стоимости приобретения корзины товаров и услуг для среднего потребителя. Используется формула Ласпейреса; данные Всемирного Банка, 2009 г.

Открытость для внешней торговли также часто указывается как фактор, снижающий уровень коррупции, т.к. успешные торговые связи сложнее установить, если страна имеет репутацию коррумпированного государства (*Weu 2000*). Для проверки этой гипотезы используется переменная *IMP*, представляющая долю импорта товаров и услуг от ВВП в процентном соотношении, данные Всемирного Банка, 2009 г.

Общепризнанно, что автократические режимы являются более подверженными коррупции, чем демократические, и что свободные рыночные экономики, как правило, являются менее коррумпированными (Brunetti and Weder 2001). Однако Вейланд (Weyland 1998) утверждает, что процесс либерализации, или перехода, сам по себе является вмешательством государства в экономику, в ходе которого происходит рост благосостояния чиновников и крупных бизнесменов за счет коррупционных схем, зачастую сопровождающих процесс приватизации. В соответствии с этим фактом, Тризман (Treisman 2000) утверждает, что сама по себе формально провозглашенная демократия не означает прозрачной политики и экономики, скорее, демократия приводит к значительному сокращению коррупции только в том случае, если в стране на протяжении минимум сорока лет сохранялся демократический строй, и это предположение находит эмпирическое подтверждение. Тем не менее я утверждаю, что демократии, даже существующие дольше, чем 40 лет, отличаются — сравнить, например, североамериканский и индийский варианты демократии; уровень коррупции в Индии значительно выше. Различие здесь снова заключается в институтах — принципы демократии по-своему адаптируются, чтобы соответствовать ранее существовавшим институтам в незападных странах, и результирующее общественное устройство весьма отличается от западноевропейского типа. Примененный в данной работе подход культурных кластеров, на мой взгляд, является более актуальным в контексте данной проблемы.

В литературе можно столкнуться и с другими факторами, такими, как экономический рост (Husted 1999), уровень конкуренции (Shleifer and Vishny 1993). Таблица 5 суммирует всевозможные факторы, так или иначе упоминавшиеся в предыдущих исследованиях. Однако объясняющая сила этих факторов меньше, частично за счет высокой корреляции с более значимыми переменными, частично из-за недостаточной логики теоретических аргументов, стоящих за ними. В итоге, я решил остановиться только на рассмотренных факторах. Итак, мы тестируем следующие гипотезы:

H1: Более высокий уровень экономического развития уменьшает уровень коррупции.

H2: Более высокий уровень инфляции порождает более высокий уровень коррупции.

H3: Более высокий уровень неравенства доходов влечет более высокий уровень коррупции.

H4: Большая открытость для внешней торговли снижает уровень коррупции.

H5: Более высокое качество институтов уменьшает уровень коррупции.

Таблица 5

Определяющие факторы коррупции

Экономические факторы:	Политические и правовые факторы:	Социальные и культурные факторы:
<ul style="list-style-type: none"> — <i>Размер госаппарата</i>: Eliot (1997); Montiona and Jackman (2002) — <i>Заработная плата</i>: Rijckeghem and Weder (1997); Tanzi (1998). — <i>Экономический рост</i>: Paldam (2002); Husted (1999). — <i>Неравенство доходов и бедность</i>: Gupta, Davoodi and Terme (1998); Husted (1999); Paldam (2002). — <i>Конкуренция</i>: Shleifer and Vishny (1993); Ades ve Di Tela (1997). — <i>Открытость внешней торговле</i>: Wei (2000); Laffont and Nguessan (1999). — <i>Экономическая свобода</i>: Paldam (2002); La Polambara (1994). — <i>Инфляция</i>: Braun and Di Tela (2004); Getz ve Volkema (2001) — <i>Регуляция</i>: Broadman and Recanatini (1999); Treisman (2000); Gerring and Thacker (2005). 	<ul style="list-style-type: none"> — <i>Демократия</i>: Ades Di Tela (1997); Brunetti and Weder (1998); Paldam (1998). — <i>Политический плюрализм</i>: Monitolla and Jackman (2002); Brunetti and Weder (1998). — <i>Свобода прессы</i>: Brunetti and Weder (1998); Shen and Williamson (2005). — <i>Политическая нестабильность</i>: Persson and Tabellini (2000); Treisman (2000). Leite and Weideman (1999). — <i>Стандарты бухгалтерского учета</i>: Henisz, (2000). — <i>Бюрократия</i>: Kaufman and Wei (1999). — <i>Система права</i>: Theobold (1990); Ali and Isse (2003); Ades and Di Tella (1997). — <i>Права собственности</i>: Nas, Price and Weder (1986). 	<ul style="list-style-type: none"> — <i>Национальный состав</i>: Mauro (1995); Treisman (2000); Easterly and Levine (1996). — <i>Религия</i>: La Porta et al. (1999); Husted (1999); Treisman (2000); Paldam (1999). — <i>Образование</i>: Treisman, (2000). — <i>Гендерный фактор</i>: Swamy et al. (2001); Dolar et al.. (2001); Sung ve Chu (2003). — <i>Культуры</i>: Husted (1999); Paldam (2002); Getz and Volkema (2001). — <i>Природные ресурсы</i>: Ades and Di Tella (1999); Leite and Weidmann (1999). — <i>Этика</i>: La Porta et al. (1997). — <i>Урбанизация</i>: Treisman (2000); Holbrooke (1992).

Составлено по: (Ata and Arvas 2011).

2.4. Анализ эмпирических данных определяющих факторов крупной коррупции

В табл. 6 представлены результаты проверки на робастность гипотезы о ключевом значении институтов. Во-первых, мы регрессируем *CPI* по *GDP* (*r1*) и находим, что коэффициент является значимым, в соответствии с нашими ожиданиями. Затем мы используем инструмент для проверки обратной причинности (*r2*) и отмечаем, что зависимость все равно является значимой, хотя *F*-статистика резко падает с 106.341 до 12.253. Это могло произойти по двум причинам: либо инструмент является слабым, либо в первую очередь все-таки крупная коррупция порождает экономическое развитие, а не наоборот. Как уже отмечалось, корреляция между *DISTEQ* (расстоянием от экватора) и *GDP* равна 0.48, что указывает на то, что инструмент, в целом, адекватен. Как мы видим, кроме того, в спецификации *r7*, которая включает в себя все переменные, *DISTEQ* является незначимым. Это обстоятельство опровергает гипотезу H_1 о том, что экономическое развитие является главным определяющим фактором крупной коррупции, и указывает на то, что, скорее всего, имеет место обратный эффект.

В спецификации *r3* мы включаем переменную инфляции (*INF*), и в этой регрессии коэффициент значим, но когда мы включаем переменную открытости внешней торговли (*IMP*) в *r4*, обе переменные теряют значимость. В *r5* мы включаем коэффициент Джини² и коэффициент при *INF* снова становится значимым, хотя этот эффект, скорее всего, случаен.

Картина разительно меняется, когда введена переменная индекс Верховенства Закона (*RUL*): для всех дальнейших регрессий эта переменная значима на 1% уровне, в то время как ряд уже включенных контрольных переменных теряет свою объясняющую силу. Скорректированный коэффициент детерминации увеличивается с 0.693 в *r5* до 0.909 в *r6*. Даже такой сильный фактор, как *GDP* (хотя мы имеем в виду, что высокая значимость ложно порождена обратной причинностью) теряет значимость, когда в спецификации появляется индекс *RUL*.

Таблица 6

Определяющие факторы крупной коррупции

Регрессия: Зависимая переменная:	r1	r2	r3	r4	r5	r6	r7
	CPI	CPI	CPI	CPI	CPI	CPI	CPI
C	2.548437 (0.307)**	2.797562 (0.562)**	3.008052 (0.432)**	2.503502 (0.568)**	2.59919 (0.991)*	-0.858514 (0.665)	-0.919809 (0.875)
GDP	0.000110 (0.000)**		0.000103 (0.000)**	0.000100 (0.000)**	0.000097 (0.000)**	0.000022 (0.000)	
DISTEQ		0.052713 (0.016)**					-0.000473 (0.007)
INF			-0.072079 (0.033)*	-0.060383 (0.031)	.082392 (0.031)*	0.009382 (0.015)	0.013403 (0.019)
IMP				0.011305 (0.011)	0.010523 (0.011)	0.003271 (0.004)	0.002792 (0.004)
GINI					0.003444 (0.017)	0.018992 (0.011)	0.014757 (0.014)
RUL						0.756442 (0.079)**	0.871277 (0.053)**
Наблюдения:	62	62	62	62	58	58	58
R2	0.639	0.170	0.666	0.689	0.715	0.909	0.901
F-статистика:	106.341	12.253	58.944	42.768	33.217	104.504	94.765

Примечание. В скобках, стандартные отклонения с поправкой Уайта на гетероскедестичность.
* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

² Для GINI у нас нет данных по четырем странам, поэтому размер выборки уменьшается до 58.

Это происходит отчасти из-за мультиколлинеарности, т.к. корреляция между *GDP* и *RUL* составляет 0.80, что указывает на наличие связи между качеством институтов прав собственности и экономическим развитием. Тем не менее, я утверждаю, что из всех предложенных переменных мы можем оставить только индекс Верховенства Закона (*RUL*) и добиться скорректированного коэффициента детерминации порядка 0.9, что позволяет заключить, что из гипотез H1–H5 только гипотеза H5 (более высокое качество институтов уменьшает уровень коррупции), находит качественное эмпирическое доказательство.

Таким образом, мы установили, что уровень крупной коррупции определяется качеством институтов, которое, в свою очередь, детерминируется культурным фактором. В следующем разделе мы концентрируемся на взаимоотношении крупной и мелкой (бытовой) коррупции.

3. ВЗАИМОСВЯЗЬ КРУПНОЙ И БЫТОВОЙ КОРРУПЦИИ

В этом разделе наша основная задача — исследование определяющих факторов бытовой коррупции, а также закономерностей в динамике бытовой и крупной коррупции в рамках институционального подхода. Во-первых, мы рассматриваем теоретическую зависимость между крупной и бытовой коррупцией, используя концепцию общественных благ, заключая, что крупная коррупция является определяющим фактором уровня бытовой коррупции. Во-вторых, мы рассматриваем некоторые альтернативные гипотезы объясняющих факторов бытовой коррупции. В-третьих, обсуждается уникальный индекс Барометра Коррупции, призванный измерить уровень бытовой коррупции, после чего мы переходим к анализу эмпирических данных. В-четвертых, анализируется показатель разницы между крупной и бытовой коррупцией, и дается несколько альтернативных интерпретаций.

3.1. Коррупция и общественные блага

В то время как оба термина широко используются отдельно, практически не существует теоретических исследований, напрямую посвященных взаимосвязи коррупции и общественных благ, хотя иногда можно встретить попытки моделировать коррупцию как отрицательный внешний эффект или же представить борьбу с коррупцией как общественное благо. Некоторые исследования включают анализ взаимосвязи коррупции и общественных благ косвенно, например Граник и Сарацено (*Granik and Saraceno* 2010) в попытке объяснить наблюдаемую ими обратную зависимость между степенью децентрализации и экономическим ростом анализируют проблему в рамках модели эндогенного роста с производством общественных благ, где правительство пытается определить оптимальную степень децентрализации. В модели государство может производить общественное благо напрямую, но неэффективно, или же оно может делегировать часть производства более эффективным чиновникам, в последнем случае, однако, некоторые ресурсы будут растрчены из-за коррупции. Но мы ищем более прямую взаимосвязь, и находим ее в главе Коррупция и Глобальные Общественные Блага в книге Айген и Айген-Зуччи (*Eigen and Eigen-Zucchi* 2003) «Обеспечение Глобальных Общественных Благ». Мы находим там более четкую формулировку: «производство общественных благ обычно предполагает вверение государством дискреционной власти чиновнику, создавая тем самым потенциальную почву для коррупции» (*Eigen and Eigen-Zucchi* 2003). Далее подчеркивается, что борьба с коррупцией является ключевым фактором производства других важнейших общественных благ, включая эффективное управление экономикой, хорошо функционирующие рынки и обеспечение прав и свобод граждан. Но борьба с коррупцией сама по себе есть общественное благо, потому что ее результаты — снижение транзакционных издержек и содействие более эффективному принятию решений экономическими агентами — по большому счету неконкурентны и неисключаемы. Другой важный аспект взаимосвязи раскрывается, когда мы рассматриваем непосредственно политическую коррупцию, которая в данном случае может повлиять на типы предоставляемых общественных благ, искажая процесс принятия решений (в процессе которого индивидуальные предпочтения агрегируются и переводятся в коллективный выбор). Далее Айген и Айген-Зуччи приводят *case-study* в подтверждение своих предположений, где они показывают, как *TI* помогает создавать коалиции между правительствами и частными корпорациями для борьбы с коррупцией в сфере предоставления глобальных общественных благ.

Эти весьма важные идеи помогут нам выявить более ясную взаимосвязь коррупции с производством общественных благ. Можем ли мы применить их с целью установления теоретической связи между крупной и бытовой коррупцией?

Как я уже отмечал, в литературе принято рассматривать бытовую коррупцию с помощью аппарата теории игр, но я предлагаю более простой и интуитивный подход. Напомним основные сектора, подверженные бытовой коррупции. По данным Барометра Мировой Коррупции (БМК) 2009 г., люди по всему миру платят взятки в следующих основных секторах: образование, судебная система, услуги здравоохранения, полиция, услуги регистрации и разрешения (формализация гражданских отношений, связанных со вступлением в брак, рождением детей, выдачей лицензий, разрешений, отношений владения собственностью и передачи права собственности), коммунальные услуги (телефон, электричество, вода и т.д.), налоги и отношения, связанные с использованием земельным участком (покупка, продажа, наследование, аренда). Легко заметить, что перечисленные службы и системы призваны снабжать общество соответствующими общественными благами: образованием, правосудием, здравоохранением, безопасностью и т.д. Чтобы упомянутые общественные блага были предоставлены, люди платят налоги государству, которое, в свою очередь, должно тем или иным образом позаботиться об адекватном производстве данных благ. Моя гипотеза состоит в том, что люди вынуждены прибегать к бытовой коррупции, потому что уровень обеспечения общественных благ государством ниже оптимального с точки зрения общества. В целом, подобная ситуация может иметь место, во-первых, когда собранные налоги являются недостаточными; во-вторых, когда правительство, неверно отражая предпочтения граждан, выбирает меньший уровень снабжения общественными благами, чем оптимальный для общества; и, наконец, в-третьих, из-за крупной коррупции, на чем мы и остановимся более подробно.

Как было указано Айген и Айген-Зуччи, крупная коррупция влияет на производство общественных благ двумя путями. Во-первых, на стадии принятия решения об оптимальном количестве общественного блага политическая коррупция в ее различных формах, включая деятельность групп специальных интересов, незаконное лоббирование, логроллинг, и обычное взяточничество, искажает социально желаемый уровень производства общественного блага. Во-вторых, крупная коррупция в форме хищений, коррупционных схем с участием крупного бизнеса и других способов нелегального присвоения средств, выделенных на общественные программы частными лицами неизбежно снижает качество общественных благ, которые в итоге получает общество.

Резюмируя, гипотезу формулируем следующим образом: крупная коррупция приводит к неэффективному предоставлению общественных благ, включая здравоохранение, образование, правопорядок и т.д., из-за чего граждане сталкиваются с ограниченным предложением желаемых благ и, как следствие, вынуждены делать дополнительные платежи (взятки) для получения желаемого ими объема общественных благ. Теперь же, как и в случае с крупной коррупцией, мы взглянем на имеющиеся в литературе альтернативные гипотезы и эмпирические данные по бытовой коррупции, чтобы оценить правильность наших предположений.

3.2. Определяющие факторы бытовой коррупции: альтернативные гипотезы

Эмпирическому анализу бытовой коррупции и определяющих ее факторов посвящено значительно меньше исследований по сравнению с крупной. В то же время существует целый ряд сугубо аналитических моделей на основе теории игр (например, *Lambert-Mogiliansky, Majudar and Radner 2007; 2008*), которые анализируют стимулы граждан и чиновников участвовать во взяточничестве. Однако для данной работы подобные модели вряд ли составляют практический интерес, т.к. здесь мы пытаемся выявить скорее эмпирические закономерности и взаимосвязь с другими факторами, а не конкретные действия в конкретных обстоятельствах. Другой подход использует Фабрега (*Fabrega 2008*), изучая скорее непотизм, чем бытовую коррупцию в целом. Она доказывает, что индивиды, обладающие большими социальными связями, потенциально имеют значительный шанс быть вовлеченными в бытовую коррупцию, этот результат подтверждается на данных шестнадцати африканских стран. Тем не менее упомянутое исследование скорее следует отнести к специфическим исследованиям типа *case-study*, составляющим основной массив эмпирической литературы по бытовой коррупции.

Подход *case-study* предполагает анализ определенного типа бытовой коррупции в отдельной стране или группе близких стран, что, как мы увидим впоследствии, обусловлено, с одной стороны, тем, что процессы бытовой коррупции являются специфическими для каждой страны и с большим трудом поддаются обобщению, а с другой стороны, отсутствием межнациональных данных по бытовой коррупции, которые практически в первый раз анализируются в данном исследовании. Однако стоит отметить фактор потенциально высокой объясняющей

силы, встречающийся в литературе по «коррупции» в целом — фактор заработной платы гражданских служащих. Оклады должностных лиц и уровень бытовой коррупции имеют очевидную связь: взятки компенсируют низкие заработные платы гражданских служащих. Это было эмпирически подтверждено Риджегемом и Вейдером (*Rijckeghem and Weder 1997*). Однако проблема здесь в том, что данные по заработной плате государственных служащих трудно найти, Риджегем и Вейдер собирали выборку из различных источников, ко многим из которых доступ ограничен. На самом деле, наша гипотеза неэффективного обеспечения общественных благ в связи с крупной коррупцией является более общей и включает в себя гипотезу заработной платы чиновников. Когда мы говорим, что некоторое общественное благо было недопроизведено в данном контексте, мы имеем в виду, что некоторая часть необходимых средств утекла на личные счета высокопоставленных чиновников; таким образом, оклады мелких чиновников в результате этого сократились, из-за чего мелкие госслужащие будут требовать взятки, чтобы обеспечить себе прежний уровень благосостояния.

Стоит отметить, что нет практически никаких межстрановых исследований бытовой коррупции, и это исследование является одной из первых работ по факторам, определяющим уровень бытовой коррупции в международном масштабе. Таким образом, на данном этапе мы не наблюдаем подходящих альтернативных гипотез. Вероятно, дальнейшие исследования помогут обосновать альтернативные теории, но пока я предлагаю единственную гипотезу:

Н6: более высокий уровень крупной коррупции порождает более высокий уровень бытовой коррупции.

3.3. Индекс Бытовой Коррупции (*Corruption Barometer Index, CBI*)

Как я уже говорил, для измерения бытовой коррупции мы будем использовать совершенно новый показатель, основанный на непосредственном опыте, а не восприятии коррупции, что позволяет преодолеть субъективность в оценках. Уже упоминавшийся проект Барометр Международной Коррупции отражает ответы 73 132 человек из 69 стран на различные вопросы, связанные с коррупцией, в том числе о том, как часто граждан вынуждали давать взятку при взаимодействии с различными общественными службами (имеются также данные по половому составу, занятости и религиозным убеждениям респондентов). Основываясь на этих данных, мы рассчитываем так называемый Индекс Бытовой Коррупции (*Corruption Barometer Index, CBI*). Для 62 стран, перечисленных в разделе 2, мы берем процент положительных ответов на вопрос «за последние 12 месяцев давали ли вы или кто-либо из членов вашей семьи (проживающих с вами в одном доме) взятку в какой-либо форме?», и чтобы нормировать индекс к той же шкале, что и *CPI*, мы вычитаем процент положительных ответов на данный вопрос (X) из ста и делим на 10:

$$CBI = \frac{100 - X}{10}$$

Итак, *CBI* таким образом, как и *CPI* и *RUL*, принимает значения от 0 до 10, 0 в случае, если все граждане в стране дают взятки, 10 — никто, предполагая, что выборка репрезентативна. Напомним, что согласно опроснику БМК, респондента просили отметить, давал ли он/она взятки хотя бы в одном из следующих секторов: образование, судебная система, услуги здравоохранения, полиция, услуги регистрации и разрешения, коммунальные услуги, налоги и отношения, связанные с использованием земельным участком.

Отражают ли полученные ответы реальную ситуацию? Учитывая чувствительность вопроса, было бы логично предположить, что респонденты склонны занижать истинное число взяток, которые они дают. Однако, учитывая, что *Transparency International (TI)* является уважаемой и ведущей международной организацией по борьбе с коррупцией, респонденты могли быть уверены, что их ответы не будут использованы для того, чтобы дискредитировать их каким-либо образом. Поскольку это исследование было спроектировано профессионалами, у нас есть основание предполагать, что оно было спланировано лучшим из возможных способов. Опросник БМК тщательно рецензировался Консультативным Комитетом *TI (TI Advisory Committee)*, который формируется из ведущих международных экспертов в области коррупции, эконометрики и статистики. Менеджмент *TI* принимает окончательные решения в отношении валидности используемых техник и публикации. Также контроль над качеством проведения исследования был обеспечен организацией Гэллуп Интернэшнл (*Gallup International*), участвовавшей в проведении БМК в ряде стран. Так или иначе, БМК — единственный на сегодняшний день проект по оценке опыта, а не восприятия коррупции, и пока не существует альтернативных данных по бытовой коррупции на межнациональном уровне.

3.4. Взаимосвязь крупной и бытовой коррупции

Взаимосвязь между *CPI* (индексом крупной коррупцией) и *CBI* (индексом бытовой коррупции) графически отражена на рис. 2, в то время как регрессионный анализ содержится в таблице 7 (*r8*, *r9*). Как видно из рис. 2, наблюдается нелинейная зависимость, и регрессионный анализ отражает это³. Скорректированный коэффициент детерминации поднимается с 0.394 в линейной спецификации (*r8*) до 0.628 в логарифмической (*r9*); используя тест Бокса-Кокса, мы устанавливаем, что улучшение спецификации значимо (статистика теста равна $4.866 > \chi_{(1)}^{5\%} = 3.841$). Получен следующий важный результат: коэффициент при логарифме *CPI* означает, что 1%-й рост уровня крупной коррупции увеличивает уровень бытовой коррупции на 2.048%, т.е. изменение уровня крупной коррупции приводит к вдвое большему изменению уровня бытовой коррупции.

Таблица 7

Крупная и бытовая коррупция

Регрессия:	r8	r9	r10	r11
Зависимая переменная:	CBI_P	LOG(CBI_P)	DIF	DIF
C	36.764451 (3.917)**	5.025083 (0.243)**	2.817552 (0.796)**	
CPI	-4.444274 (0.569)**			
LOG(CPI)		-2.047888 (0.173)**		
RUL			1.029990 (0.315)**	0.772664 (0.315)*
RUL^2			-0.127192 (0.027)**	-0.123067 (0.028)**
MEA				2.465485 (0.757)**
NIS				3.430613 (0.849)**
EE				4.577267 (0.947)**
WE				4.984724 (0.927)**
AP				4.066705 (0.875)**
LA				4.311202 (0.810)**
Наблюдения:	62	62	62	62
R ² :	0.404	0.635	0.562	0.693
F-статистика:	40.633	104.220	37.872	NA

Конечно, у данного анализа есть ряд ограничений. Во-первых, проблема опущенных переменных: возможно, вне анализа остались некоторые важнейшие факторы, определяющие уровень бытовой коррупции. Во-вторых, мы заявляем, что именно крупная коррупция определяет бытовую, основываясь лишь на теоретическом аргументе, в то время как подход инструментальных переменных помог бы решить возникающую проблему обратной причинности. Однако сложно придумать инструментальную переменную, коррелированную с крупной коррупцией, но не связанную с бытовой коррупцией причинно-следственными связями. Возможно, последующие исследования прольют свет на эти вопросы и позволят провести более совершенный анализ.

Таким образом, мы показали, что крупная коррупция является ключевым фактором, определяющим уровень бытовой коррупции и представили эмпирические доказательства данной взаимосвязи, и это позволяет сделать нам важнейший вывод: когда мы противодействуем крупной коррупции, это автоматически приводит к уменьшению уровня бытовой коррупции

³ CBI_P — процент положительных ответов (без линейных преобразований), использующийся в регрессиях, чтобы избежать функциональных изменений при взятии логарифмов.

вдвое. Это означает, что государство должно сосредоточиться на борьбе с коррупцией среди высокопоставленных чиновников, крупных политиков и бизнесменов, а не на борьбе с мелким взяточничеством, если оно заинтересовано эффективно бороться с коррупцией. Если уровень крупной коррупции будет успешно снижен, улучшение общественного благосостояния будет более ощутимым, и снижение уровня мелкого взяточничества произойдет само собой.

3.5. Объяснение разницы между крупной и бытовой коррупцией

Однако существует два важных момента в зависимости между крупной и мелкой (бытовой) коррупцией, изображенной на рис. 2, которые мы хотели бы обсудить более подробно. Во-первых, мы замечаем интересный факт: *CPI* всегда ниже, чем *CBI*, и, имея в виду, что более низкие значения индексов означают больше коррупции, наблюдаемый факт интерпретируется следующим образом: уровень крупной коррупцией всегда выше, чем уровень бытовой для всех 62 стран в выборке. Во-вторых, как уже было отмечено выше, связь между *CPI* и *CBI* является нелинейной — для низких значений *CPI* (т.е. относительно высокой коррупции) уровень бытовой коррупции очень сильно варьируется. В самом деле, некоторые страны являются удивительно свободными от бытовой коррупции несмотря на весьма высокий уровень крупной коррупции (они сконцентрированы в левом верхнем левом углу на рис. 2; это, например, Венесуэла, Нигерия, Ливан, Филиппины, Украина, Беларусь и некоторые другие). Однако мы ясно видим, что для значений *CPI*, равных 6 и выше стандартное отклонение *CBI* резко падает, и индекс принимает значения около 9.5, т.е. соответствующие страны практически не имеют бытовой коррупции. Чтобы понять лучше смысл этих фактов, определим новую переменную Разность (*DIF*) как разность между *CBI* и *CPI*:

$$DIF = CBI - CPI.$$

Переменная *DIF* является строго положительной, т.к. *CBI* всегда выше *CPI*, но значения *DIF* изменяются необычным образом. Чтобы объяснить вариацию в этой переменной, я применяю уже знакомый нам институциональный подход с учетом культурного фактора. Рис. 3 графически представляет взаимосвязь между переменной *DIF* по вертикальной оси и индексом Верховенства Закона (*RUL*) по горизонтальной оси для разных культур. Как мы видим, наблюдается выраженная квадратичная зависимость между переменными. Регрессия *r10* в табл. 7 отражает оценки коэффициентов, коэффициент при RUL^2 значим на 1%, что позволяет говорить о значимости квадратичной зависимости. В спецификации *r11* мы включаем культурные фиктивные переменные, *F*-тест линейного ограничения (нулевая гипотеза — все фиктивные переменные равны нулю) имеет *F*-статистику $F=3.421 > F_{(5,54)}^{1\%} = 3.377$, следовательно, мы отвергаем гипотезу незначимости культурных переменных.

Мы наблюдаем, что и для низких, и для высоких значений индекса Верховенства Закона уровень крупной коррупции не слишком превышает уровень бытовой коррупции, но для стран со средним качеством институтов различие является значительным (например, в Камбодже, крупная коррупция, превышает бытовую в 2.52 раза, в России — в 2.87, в Ираке — в 3.11, в Пакистане — в 3.28). В то время как ситуация с западноевропейскими странами ясна (они имеют развитые институты, низкие уровни как крупной, так и бытовой коррупции и, как следствие, незначительную разницу между ними), Восточная Европа, Латинская Америка и Новые Независимые Государства имеют, как правило, значение *DIF* около 5 и средние значения *RUL*, т.е. для этих стран со средним качеством институтов крупная коррупция превышает бытовую примерно в два раза. Для стран с низким качеством институтов, например, стран Ближнего Востока и Африки, разница между крупной и бытовой коррупцией снова невелика, как и для западноевропейских. Исключения составляют Чили, Япония, Сингапур и Гонконг, располагающиеся рядом с западноевропейскими странами. Эти результаты являются довольно озадачивающими.

Возможно, данные закономерности просто обусловлены систематической ошибкой в ответах респондентов, если в некоторых странах (потенциальные подозреваемые здесь — страны с наиболее высоким значением *DIF*: Аргентина, Филиппины, Панама, Беларусь, Болгария) уровень бытовой коррупции был целенаправленно занижен. Наблюдаемые результаты также могли быть побочным эффектом неверного масштабирования и структурного несоответствия индексов *CPI* и *CBI*, для составления которых использовалась сильно отличающаяся методология. Однако не исключено, что эти результаты отражают действительную зависимость, которая может оказаться перспективным направлением дальнейших исследований.

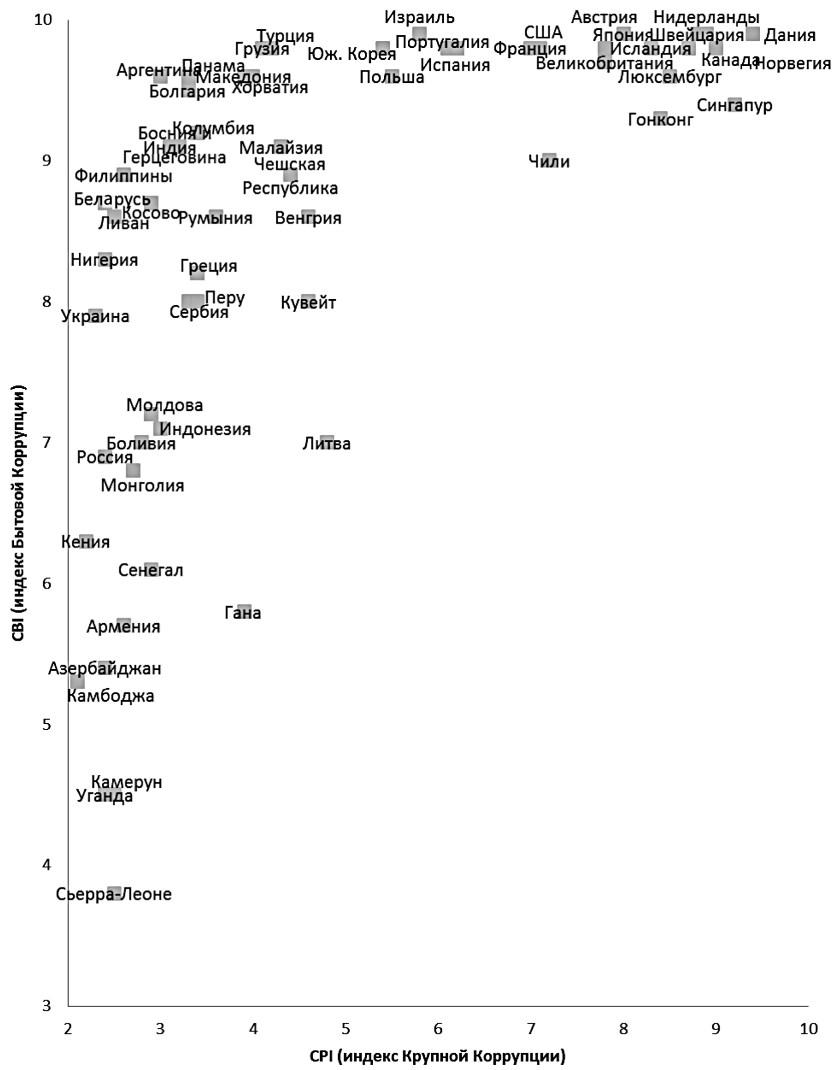

Рис. 2. Крупная и бытовая коррупция

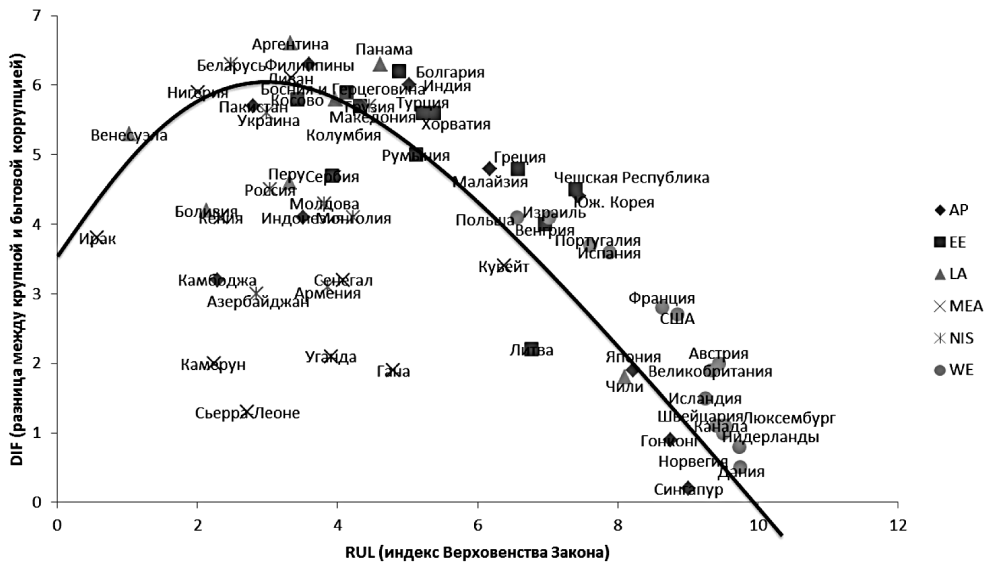

Рис. 3. Разница между крупной и бытовой коррупцией: роль институтов

Можно интерпретировать данные наблюдения следующим образом. Предположим, что мы стремимся осуществить либеральный принцип равенства возможностей разных людей в обществе. Мы можем обратиться к определению «возможности» А. Сена: «возможность (*capability*) — это свобода, которую имеет человек в смысле выбора различных вариантов поведения, исходя из его личных качеств и его материального положения». Если развить идею для теневой экономики, все люди должны также иметь равные возможности при совершении преступлений и нести равную ответственность за них, т.е. не должно быть так, что высокопоставленные члены общества (прежде всего политическая и бизнес-элиты) могут избегать ответственности за свои преступления чаще, чем обычные граждане. В этом случае, в рамках нашего подхода, мы можем поставить задачу минимизации *DIF* как прокси-переменной, отражающей неравенство возможностей в обществе (если $DIF = 0$, то и крупная и бытовая коррупция равно распространены, что соответствует равным возможностям в обществе). Следовательно, если страна имеет умеренно высокий уровень качества институтов (находится на правом, убывающем участке параболы), чтобы минимизировать *DIF*, стране необходимо и дальше способствовать активному институциональному развитию (стремясь к правому нижнему углу рис. 3, где расположены западноевропейские страны). Но если страна имеет умеренно низкое качество институтов (находясь на левом, возрастающем участке параболы), по мере того, как она пытается повысить уровень соблюдения контрактов и укреплять права собственности, неравенство возможностей, увы, будет расти.

Стоит отметить, что данная зависимость представляет собой своего рода институциональную версию знаменитой кривой С. Кузнецца (по вертикальной оси у нас — *DIF*, у Кузнецца — *GINI*, по горизонтальной оси у нас — индекс Верховенства Закона, у него — ВВП на душу населения). В этой связи нельзя не упомянуть критику Мюрдаля, полагавшего в отличие от Кузнецца, что в ходе развития рыночной экономики происходит ослабление неравенства на всех этапах. Не исключено, что данная точка зрения имеет актуальность и для выведенной нами кривой, и не стоит спешить с окончательными выводами. Тем не менее поразмыслим над полученными результатами.

В самом деле, общества, в которых наиболее реализован принцип равных возможностей, — это либо современные развитые государства западноевропейского типа, либо первобытные общества каменного века: *DIF* для обоих обществ стремится к нулю. Для первого из них — потому что институты прав собственности и соблюдения контрактов гарантируют каждому человеку равные возможности; для второго — потому что из-за абсолютного отсутствия каких-либо формальных правил или социальной стратификации (вспомним общество, описанное Гоббсом) все люди на равных правах. Однако с усложнением общественных отношений и появлением стратификации как следствие возникает неравенство. Получается, что для умеренно слабо институционально развитых стран последовательное и постепенное укрепление прав собственности и улучшение институтов, рассматриваемые как приоритетное направление политики местных правительств, не вызывают прогресс, но наоборот, увеличивают неравенство возможностей и, таким образом, тянут страну назад к «плохому» равновесию. Лишь сильный рывок в институциональном развитии позволит таким странам, как Россия, Аргентина, Перу, Ливан, Филиппины и др. попасть на убывающую ветку параболы на рис. 3, на которой дальнейшее институциональное развитие будет приводить к большему равенству возможностей. Может показаться, что данная теория довольно пессимистична, и страны с низким качеством институтов обречены стремиться к «плохому» равновесию, но мы не так уж давно стали свидетелями того, как целый ряд стран сумел совершить тот самый рывок в институциональном развитии и во многом даже перегнать страны западноевропейского типа. Примеры Сингапура, Японии, Гонконга и Чили показывают, что только жесткие методы по борьбе с коррупцией в совокупности с серьезными институциональными изменениями оказываются эффективными, в то время как многие другие страны, пытающиеся бороться с коррупцией постепенно и эпизодично, являются хорошими примерами того, как не надо это делать.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной целью данной работы было исследование взаимосвязи и определяющих факторов крупной и бытовой коррупции, чтобы, разобравшись в причинах, идентифицировать наиболее эффективные методы борьбы с обоими явлениями. В разделе 2 мы установили, что ни один из часто встречающихся в литературе факторов таких, как экономическое развитие, неравенство доходов, инфляция, открытость внешней торговле, не является значимым для определения уровня крупной коррупции при включении в анализ институционального фактора. Было

продемонстрировано, что страны, где качественно обеспечиваются соблюдение контрактов и защита прав собственности, имеют низкий уровень крупной коррупции. Различия же в качестве институтов, согласно нашему подходу, объясняются исторически сложившимися особенностями культурных и социальных норм в определенных кластерах стран, выделенных по географическому принципу. В разделе 3 мы выяснили, как теоретически связаны крупная и бытовая коррупция: первая порождает утечку средств, выделенных на общественные программы (производство общественных благ), из-за чего граждане вынуждены «доплачивать» в карман мелким чиновникам за адекватное предоставление им соответствующих благ. Данная гипотеза получила подтверждение на базе уникальных международных данных по объему бытовой коррупции. Наконец, мы попробовали глубже разобраться во взаимосвязи крупной и бытовой коррупции, проанализировав разницу между ними для стран из различных культурно-географических районов, рассматривая качество развития институтов как объясняющую переменную. Была эмпирически установлена квадратичная зависимость, которую мы интерпретировали так: страны со слабо развитыми институтами собственности и законности оказываются в «плохом» равновесии, при котором политика постепенного исправления институциональной среды может оказаться бессмысленной. Необходим резкий рывок в институциональном развитии, чтобы государство смогло успешно бороться с коррупцией по мере дальнейшего роста.

Данная работа, таким образом, может дополнить как уже существующую обширную теоретическую литературу анализом взаимосвязи крупной и бытовой коррупции и общественных благ, так и начинающую формироваться литературу по межнациональному эмпирическому анализу определяющих факторов бытовой коррупции. Безусловно, многие моменты в приведенном анализе могут быть улучшены и дополнены. Так, необходим анализ панельных данных для выявления более устойчивых закономерностей и получения более точных оценок, а также необходимо применить метод инструментальных переменных, чтобы решить проблему обратной причинности, несколько раз возникавшую при анализе, и, тем самым, подкрепить аналитические аргументы более убедительными эмпирическими доказательствами.

На первый взгляд может показаться, что полученные выводы относятся к блоку пессимистических теорий «культурного детерминизма», т.е. что поскольку институты определяются культурой, и процесс изменения институтов долог и сложен, страны, не принадлежащие к западноевропейской традиции, обречены навсегда быть высоко коррумпированными и менее эффективными. Но, это не так, и мы знаем несколько примеров стран, которые с помощью довольно жестких мер смогли совершить сильный рывок в институциональном развитии и решить проблему коррупции; мы говорим прежде всего о Японии, Сингапуре, Чили, Гонконге. Итак, основной вывод состоит не в том, что коррупция культурно предопределена, а что политика борьбы с ней должна проектироваться, принимая во внимание специфику местных институтов, и если уровень качества институтов в стране невысок, необходимо предпринять жесткие меры, потому что постепенная борьба, как было показано, не приводит к решению проблемы. Большая часть усилий должна быть направлена именно на борьбу с крупной коррупцией, ибо, согласно нашим выводам, успешное сокращение уровня крупной коррупции автоматически приведет к сокращению бытовой коррупции вдвое. Безусловно, институциональный подход к разработке антикоррупционной политики и политики устойчивого развития вообще требует больших усилий и тщательного анализа возможных институциональных ловушек и путей их преодоления. Институты, дающие благодатную почву для коррупции, должны быть выявлены, и действенные меры, основанные на выверенном анализе ситуации, должны быть приняты, если мы хотим победить коррупцию и содействовать устойчивому развитию и росту благосостояния общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузовков Ю.В. (2010). История Коррупции в России. М.: Анима-Пресс.
Норт Д. (1997). Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики*. М., 1997. № 3.
Нуреев Р.М. (2010). Экономика Развития: Модели Становления Рыночной Экономики. Норма, ИНФРА-М.
Aidt, T.S. (2010). Corruption and Sustainable Development. University of Cambridge working papers.

- Ata, A.Y. and Arvas, M.A.* (2011). Determinants of economic corruption: a cross-country data analysis // *International Journal of Business and Social Science* Vol. 2. No. 13. 161–169.
- Braun, M. and Di Tella, R.* (2000). Inflation, Inflation Variability and Corruption // *Economics & Politics*. Vol. 16. No. 1, March. 77.
- Brunetti, A. and Weder B.* (1998). A Free Press is Bad News for Corruption // *Wirtschaftswissenschaftliches Zentrum der Universitet Basel Discussion Paper*. No. 9809.
- Crawford, M., Katz, S. and Mauro, A.* (2009). CPI Detailed Report. Transparency International working papers.
- Eigen, P. and Eigen, Z.* (2003). Corruption and Public Goods, a chapter from *Providing Global Public Goods*, edited by Ingue Kaul.
- Fábrega, J.* (2008). Petty corruption and Social Networks, Harris School of Chicago, University of Chicago, prepared for the Political Economy Workshop.
- Glaeser, E.L., Scheinkman, J. and Shleifer, A.* (2003). The Injustice of Inequality // *Journal of Monetary Economics*. 50. 199–222.
- Granik, A. and Saraceno, F.* (2010). Corruption, Decentralization and the Provision of Public Goods. Research seminar: Observatoire Francais des Conjonctures Economiques. Paris.
- Huntington, S.P.* (1968). Modernization and Corruption. *Political Order in Changing Societies*, (New Haven: Yale University Press). 59–71. Reprinted in *A. Heidenheimer, M. Johnston and V. LeVine, Political Corruption — A Handbook*, (New Brunswick: Transaction Publishers). 1989.
- Husted, B.W.* (1999). Wealth, Culture and Corruption // *Journal of International Business Studies*. Vol. 30. No. 2. 339–360.
- Kaufmann, D., Kraay, A. and Mastruzzi, M.* (2010). The Worldwide Governance Indicators: A Summary of Methodology, Data and Analytical Issues // *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 5430.
- La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A. and Vishny, R.W.* (1999). The quality of government // *Journal of Law, Economics and Organization*. 15 (1). 222–279.
- Lambert-Mogiliansky, A., Majudar, M. and Radner, R.* (2007). Strategic analysis of petty corruption: Entrepreneurs and bureaucrats // *Journal of Development Economics*. 83. 351–367.
- Lambert-Mogiliansky, A., Majudar, M. and Radner, R.* (2008). Petty Corruption: A Game-Theoretic Approach // *International Journal of Economic Theory*. 4. 273–297.
- Lamsdorff, J.G.* (1999). Corruption in empirical research — a review. Transparency International working papers.
- Mauro, P.* (1995). Corruption and growth // *Quarterly Journal of Economics*. 110 (3). 681–712.
- Meon, P.-G. and Sekkat, K.* (2005). Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth // *Public Choice*. Vol. 122. 69–97.
- North, D.* (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press. 145–150.
- Paldam, M.* (2001). The Cross-Country Pattern of Corruption: Economics, Culture and Seesaw Dynamic // *European Journal of Political Economy*. Vol. 18. 215–240.
- Riaco, J., Hodess, R. and Evans, A.* (2009). Global Corruption Barometer Report. Contributions were provided by: Rebecca Dobson, Andre Doren, Jesse Garcia, Lydie Gerboin, Gypsy Guillqn Kaiser, Heather McRobie and Michael Sidwell.
- Rijckeghem, C. Van and Weder, B.* (1997). Corruption and the Rate of Temptation: Do Low Wages in the Civil Service Cause Corruption? // *International Monetary Fund Working Paper*.
- Rose-Ackerman, S.* (1999). *Corruption and Government: Causes, Consequences and Reform*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sachs, J.* (1997). The limits of convergence: nature, nurture and growth // *The Economist*, June 14. 19–22.
- Sen, A.* (1999). *Development as Freedom*. Anchor Books.
- Shleifer, A. and Vishny, R.W.* (1993). Corruption // *Quarterly Journal of Economics*. 108 (3). 599–617.
- Svensson, J.* (2005). Eight questions about corruption // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 13. 19–42.
- Treisman, D.* (2000). The Causes of Corruption: A Cross National Study // *Journal of Public Economics*. 76. 399–457.
- Uslaner, E.M.* (2007). Corruption, Inequality, and Trust. For *The Handbook on Social Capital*, edited by Gert Tinggaard Svendsen and Gunnar Lind.

Wei, Shang-Jei. (2000). Natural Openness and Good Government // *NBER Working Paper*. 7765.

Weyland, K. (1998). The Politics of Corruption in Latin America // *Journal of Democracy*. 9 (2). 108–121.

You, Jong-sung. (2005). Corruption and Inequality As Correlates Of Social Trust: Fairness Matters More Than Similarity. Harvard University // *Working Paper*. No. 29.

You, Jong-sung and Khagram, S. (2005). A Comparative Study of Inequality and Corruption // *American Sociological Review*. 70 (February). 136–157.